

ЮРИЙ ВОРОНИН

Времени колесо

Стихотворения

Кашира
2021

УДК 821.161.1-1 Воронин
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В 75

В 75 Воронин Ю. А. Времени колесо. – Москва: ООО «ЗЭО»,
2021. – 96 с.: ил.

ISBN 978-5-380-00192-2

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Воронин Ю. А., 2021
© Обложка: Трушина О. В., 2021
© Оформление: ООО «ЗЭО», 2021

ISBN 978-5-380-00192-2

Юрий Александрович Воронин (27.04.1948-26.12.2012 г.) родился в г. Сасово Рязанской области. Служил в армии на тихоокеанском флоте. Фармацевт по профессии, тяготел к поэзии и много лет писал стихи, которые печатались в районной газете, звучали на вечерах, встречах с читателями и просто в узком кругу коллег по Каширской центральной районной больнице. Автор литературного объединения при районной газете и ЛИТО «Зодиак».

Считал себя коренным каширянином, поскольку прожил в Кашире более сорока лет. Здесь создал семью. «Мы все, — говорил он, — и супруга, и сын, служим нашему любимому городу».

Мир, в котором жили стихи

«В России надо жить долго», — эти слова Корнея Чуковского невольно вспоминаются, когда уходит очередной собрат по перу. К сожалению, далеко не у всех, чья душа «заражена» творчеством, получается — по разным причинам — почить в глубокой старости. Не получилось и у Юрия Воронина.

Фармацевт по профессии, Юрий Александрович тяготел к поэзии и много лет писал стихи, которые печатались в районной газете, звучали на вечерах, встречах с читателями и просто в узком кругу коллег по Каширской центральной районной больнице.

На занятиях литературного объединения сначала при «КИ», затем «Зодиака» он читал новое отрывисто, стараясь утишить свой глубокий низкий голос, а по окончании в его глазах можно было прочесть почти беспомощное: «Ну, как?». В ожидании ответа, не торопясь, складывал листочки из ученической тетради с размашистыми и как-то по-особому записанными строчками. Сейчас не могу вспомнить, было ли такое, чтобы его сильно критиковали, но любой отказ (очень редкий, кстати) он воспринимал со словами: «Не пойдёт? Ну, что ж...». И никогда больше не приносил отвергнутых стихов, даже если им требовалась очень небольшая доработка.

Достаточно резкий в оценках некоторых аспектов нашей жизни и в меру скупой на эмоции, Юрий Александрович и стихи писал небольшие по объёму: чтобы выразить мысль, ему хватало трёх-четырёх строк. Те, кто хотя бы однажды брался за перо, знает, как это сложно — не растекаться мыслью по древу, а найти точные слова и образы, которые читатель воспримет сердцем.

О чём писал Юрий Воронин? Обо всем, что волнует человека. Конечно, о войне, которая, как теперь говорят, — в генетической памяти русских людей. Сын отца, который «...войну не вспоминает и запрещает вспоминать», Юрий Воронин не единожды пытался осмыслить ее уроки. Вот что, например, он пишет в стихотворении «Не за славу»:

*...И не «чистенький» Павлик Морозов
На расстрельный пошел пулемёт,
А гвардеец сержант Матросов.
Не за славу — за русский народ.
Сотни подвигов. Тысячи жизней!
Не за Трептов мемориал.
Под цветущей берлинской вишней
Маршал Жуков мир принимал.*

Есть в его творчестве и современные парни, «герои... без пьедестала», юность которых «в своих руках наш мир держала» («Мужчины»), и почти пророческое, тревожное («Юрий Гагарин»):

*И ещё нет глобального кризиса,
Не бряцают державы успехами,
С высоты галеко ему видится:
«Ну, планета, поехали...».*

А планета, родная земля, заветные её места вдохновляют на такие строчки:

*Сколько же нынче сирени!
Просто сиреневый май.
Небо в сиреневой пене
Плещется через край.
Это сады в округе
Слились в один хоровод.
Месяц в серебряном струге
Тонет в сирени вод...*

Особое место в творчестве Юрия Александровича занимает Кашира, где прожит не один десяток лет. Он воспринимал её в неразрывной связи с Родиной («Будет Родина. Будет Кашира!»), с природой («Не кисельные берега, / Не кисейный ландшафтный край / Сбросят с кручи любого врага — / За Каширу стоят горой») и с людьми, которые трудятся на благо города и горожан («Ка-

Юрий Воронин

ширские мосты», «Каширская ГРЭС»). Как оказалось, оставил он и завещание новым поколениям каширян:

*О, нам бы город не проспать.
Долой минор и улиц мглистость!
Делами будем проращать
Сквозь простоту и неказистость.*

Юрия Воронина не стало в конце декабря 2012 года. Он только-только разменял седьмой десяток и, к сожалению, не дожил до счастливого момента, когда можно подержать в руках пахнущий типографской краской собственный поэтический сборник. Теперь, благодаря руководителю литературного объединения «Зодиак» Андрею Тернову, такой сборник есть. И — пусть «вертится, вертится, вертится времени колесо» («Старая мельница») — читатель будет обращаться к поэзии Юрия Александровича, и ещё не одно его стихотворение прозвучит в литературных композициях, найдёт отклик в душах земляков.

Алевтина Гришина,
заслуженный работник печати Московской области,
член Союза писателей России

Каширские мосты

Над синью Оки, над простором
В величье своей красоты
Всем ветрам открыты, всем взорам,
Дугой изогнулись мосты.

Один — для дороги шоссейной,
Другой — для железных дорог,
Несут они груз нешутейный —
Огромнейший грузопоток.

Но, глядя на них, и не знаешь
Про их многотонную твердь.
В ажуре конструкций читаешь
Поэму про сталь и про медь.

24.04.1986 г.

Юрий Воронин

Саманта Смит

Вот девочка была...
Наивна и серьёзна.
Мечтала Мир спасти,
Пока ещё не поздно.

Нелепо жизнь её
Оборвалась.
А над Землёй в тот миг
Звезда зажглась.

Гори, звезда,
И память не гаси,
Пусть будет столько же любви
Между людьми!

27.09.1986 г.

Радуга

Два дождя, два братца ранних
повстречались над рекой
вместе с радугой-дугой.
Как же перед ней храбрился
младший брат —
пузырями расходился
стрельчатый его наряд!
Старший брат — мрачнее тучи,
весь гроза.
«Разойдусь — всем станет хуже...», —
Так сказал.
Только радуга смеялась.
Семицветный хвост волос,
ожерелье колыхалось
в блёстках звёзд.
Слышишь? Дождики бранятся,
Всяк неправ.
Лишь у радуги счастливой
лёгкий нрав!

13.08.1987 г.

Юрий Воронин

Ледоход

Почему ле-до-ход,
Если ледоломанье,
Если ледокрушенье
И ледовойна?
На бычины моста
Лезет рать ледяная —
Правит всем
Ледяной сатана...
Вертит, крутит,
В спирали заводит,
Монолитные глыбы,
Как орехи, круша,
Словно молотом кто молотит,
Лишь шуршит ледяная шуга.
В этой сшибке стихий
Нет ни левых, ни правых:
Отойди, не мешай —
Подомнёт, оглушит...
Так в глазах у тебя,
Озорных и лукавых,
Половодное небо
Все печали крушит.

13.01.1988 г.

Проводы зимы

Ах, эти проводы Зимы!
И ты в цветастом полушалке
Садилась в расписные санки,
С мальчишками играла в салки
И мёдом мазала блины,
И были руки холодны...
Ты обещаешь нежным взглядом,
На плечи руки мне кладёшь,
Ты обжигашь тем, что рядом...
Что проведёшь...
На этом празднике весёлом,
Меня и зля, и веселя,
Ты завораживаешь зовом,
Любить веля.
В чужие игры увлекаешь —
Ворваться в быстрый хоровод.
Лукаво праздник обещаешь.
Который год?

12.04.1988 г.

Юрий Воронин

Крик

Слишком много прощается
В этой гордой стране...
Без конца разрешается,
Потакается мне.

Море Белое смело я
Всё соляркой залью.
Я и лебедь последнюю
Из винтовки добыю.

На лазоревый цвет
Замахнулась рука:
Изведу белый свет,
Все луга, облака.

Так легко только брать,
В обезьян превратиться.
И как трудно опять
Человеком родиться!

Старый парк

Зови меня к себе, мой парк...
Среди бетонных исполинов
Ты, как старинный добрый барк,
Плывёшь, всё чуждое отринув.

Ко мне несёшься наугад.
Все паруса пообрываешь.
В страну с названьем «Листопад»
Ты никогда не опоздаешь.

Мостки на ощупь нахожу.
Твои мне тайны все открыты,
Доверием я дорожу:
Мы никогда не будем квиты.

Зелёный мрак и жёлтый мрак,
Я не могу унять волненья.
По палубам твоим я так
Брожу всегда до упоенья.

Когда мне плохо, прихожу
В аллеи, полные забвенья,
И мессу верности служу
Опять до самообретенья.

Юрий Воронин

Отчий дом

Скрипели в доме половицы.
Дышал в открытой раме май.
Слетались юркие синицы.
И стол — огромный каравай.

Так дружно жили в этом доме,
Все слушались отца и мать.
По очереди на гармони
Учились мальчишки играть.

Любила бабушка застолье,
Садилась все — и стар, и млад.
Где ты, бывшее хлебосолье,
Сосед соседу — друг и брат?

Верны, как истины простые,
Семья, работа, дом, очаг.
Пусть их скрижали прописные
Узнает всяк.

И всё же краешком сердечным,
Коль нужно вспомнить о былом,
Я припаду к истокам вечным
И вспомню мать и отчий дом.

13.08.1988 г.

Потрясение

Армения. Армения — далёкие края.
Распятая зола и вздыбленные горы.
Армения, Армения — страдальца моя:
Проплаканы глаза, иссушенные взоры...
Мне стыдно за свои безгрешные рубли!
Как будто их кладу на братские могилы,
Как будто откуплюсь я от чужой беды...
В ответ из-под земли (невиданное диво)
Глаза засыпанных без хлеба и воды
Как будто говорят: «А мы ведь живы»...

Юрий Воронин

Без

Я всё время куда-то бегу.
В этой осени мне ли скрыться!
По прекрасному октябрю
пролетаю, осенняя птица.

Ясный день и студёный рассвет,
и бессонные синие ночи,
потому что любимой нет,
потому, что всё «нет»
мне в ответ...
Ну, хотя бы счастья глоточек!

Я всё время куда-то бегу,
Как страницы, мелькают лица.
Лишь в одном я себе не лгу:
Что не хочется остановиться.

Ощущение

«Я тебе ничего не скажу»,
будто вижу тебя впервые.
Вот и мы подошли к рубежу,
где чужие — совсем не чужие.

Почему ничего не боюсь,
Будто это и вправду впервые?
Почему ничему не учусь:
Мы чужие, совсем чужие.

Что глаза, если лгут и глаза!
В жизни всё и больнее, и проще.
Остальное рассвет рассказал
в этой тайной заброшенной роще.

Юрий Воронин

Ретро

Под окном моим сирень разрастается —
Это юность ко мне возвращается.
Мать-и-мачехи горькие листья
И черёмухи спелые кисти...

Только слышу я гармонь на кассетах,
почерк юности в старых конвертах.
Только отблеск ушедших рассветов,
Только след от забытых куплетов.

А сирень та? Растёт, разрастается.
Юность жить не боится, не кается.
Не прощает никому, не прощается.
Только вот беда — весной возвращается.

04.03.1989 г.

Жизнь

Жизнь, она как дорога.
Выбираешь свою.
Я живу уже много.
И Каширу люблю!

И за кладезь талантов,
И за щедрость в сердцах,
И за шёпот курантов,
И за высь в куполах.

Косогор наш рябинный
Над былинной Окой!
Этот город старинный.
С легендарной судьбой.

По Стрелецкой, Рыбацкой,
Грусть зажав в кулаке,
Тосковал же я, братцы,
От него вдалеке!

Пусть ведёт нас Мессия.
Пусть дорога трудна.
Велика мать-Россия.
Да Кашира одна!

Юрий Воронин

Сан-Франциско

Мы на мосту, подъезжаем
К городу тёплых огней.
Вот и Кашира родная,
Вот мы и свиделись с ней.

Вновь запоёт электричка.
В окнах качнётся сосна.
Станция-невеличка —
Милая сердцу Тесна.

Пусть от Москвы мы не близко;
Но тосковать не с руки —
Вот он, мой Сан-Франциско
Вдоль полноводной Оки!

Ты нам дороже Мекки:
Сила твоей ворожбы
Стала, Кашира, навеки
Символом нашей судьбы.

Кашире

Ты прекрасна. Пускай за шестьсот.
Не устал я тобой восхищаться
И с любимой гулять у Пушкарских ворот,
На Посадской с друзьями встречаться.

Ты служила великим царям
И с пелёнок привыкла сражаться.
Подошёл сорок первый к твоим рубежам —
Сам Верховный просил продержаться!

Ты живёшь по Москве —
Ей любовь и тепло.
Нам навеки уже не расстаться.
Электричество наше в московском метро,
За столетия не рассчитаться.

Роль Каширы стократно важна
Как частицы великого мира.
Нестареющая княжна,
Молодая моя Кашира.

Юрий Воронин

Отражение

Есть города-кумиры.
Им — Золотое кольцо.
Только у нашей Каширы
Собственное лицо.

Холят его и лелеют,
Храмы в зенит возведя.
Окские дали тайной владеют,
Обе Каширы любя.

Может, сказал коряво.
Всё по одной цене.
К прошлому переправа —
Только на той стороне.

Там, у Каширы-форпоста,
Травы забвенья растут.
Над тишиною погоста,
Может быть, храм возведут.

Нам не к лицу забвение:
Мы не в чужой стране.
Видит Кашира своё отражение
Только на той стороне.

Вернисаж

В тонком эфире нежная просинь.
Снова в Кашире московская осень.
На вернисаже с крымской равнины
Прямо на клумбах цветы Украины!
Сверху, резные — как они рады —
Машут гербами клёны Канады.
И по-московски строги и чинны
Вдоль по аллее наши рябины!
Парк на Садовой дружит с ветрами.
Скоро уснёт под седыми снегами.
Вспомним картину «Осенний пейзаж».
Осень. Каширу. И наш вернисаж.

Юрий Воронин

Инспектор

Ты удивляешь. Ты покоряешь.
С неба небрежно звёзды снимаешь.
Света. Светлана. Инспектор. Надзор.
Ты, как и мама. Погоны. Укор...

Праздник у города. Солнце. Веселье.
Ты в оцепленьи. В оцепененье.
Всё понимаешь. Глухо одета.
Словно в засаде, красавица Света.

Солнце сквозь ветки в ярких заплатках.
Ты осаждаешь ярых фанаток!
Жёсткость барьеров. Лица в глаза...
Лица у мэров, как образа.

Утром на службу. Плащ-пальтецо.
Ценишь не дружбу, а ветер в лицо.

Лицо города

Вся Кашира влюблена!
В транспорте нам тесно от улыбок.
Это в городе весна
В серпантине «валентинок».
Вьётся городом кольцо:
Где маршрутка, где автобус.
У Каширы – женское лицо.
Приезжайте к нам на конкурс!

Юрий Воронин

Улица

Эта улица особняком.
Здесь не лают шальные собаки.
И вальяжен здесь каждый дом.
На газонах цветы и злаки.
И подсвечены номера.
Здесь проходишь, себя не слыша.
Нет, Кашира, ты не стара.
Поменялась лишь «старая крыша».

Сиреневый май

Сколько же нынче сирени!
Просто сиреневый май.
Небо в сиреневой пене
Плещется через край.

Это сады в округе
Слились в один хоровод.
Месяц в серебряном струге
Тонет в сирени вод.

В этом сиреневом мае
Ночью совсем не до сна.
Только сирень и знает,
С кем целовалась весна.

Сколько в Кашире сирени!
Просто сиреневый май.
Небо в сиреневой пене
Плещется через край.

Юрий Воронин

На круги своя

Ходили гении с сумою,
Лишь верой грезили одною:
Когда вернется Божье царство.
А не богатство.

Иду неведомой тропой,
Но вера в Господа со мной.

Без веры дни мои, как зимы.
Пути — неисповедимы.
Из пепла храмы на Руси.
Господь, прости!

Вновь по крупицам создаётся,
И вновь сторицей воздаётся.
Зажглись кресты Николы Ратника,
А значит, движется Галактика!

Улица Рыбацкая

Эта улица Рыбацкая,
Как простой народ, проста.
Жизнь «на блюдечке» — кабацкая
Без единого поста.

Мы бродили здесь ватагою,
Никого не сторонясь,
Попивая пиво с брагою
И на храмы не крестясь.

Основательно амбарами
Ты выросла в речную пыль.
По ночам Луна с гитарами.
То ли сказка, то ли быль!

Поклонюсь тебе, родная,
И святому роднику.
Вместе с ветрами стеная,
Выйду утром на Оку.

Грусть и сладость лет забвенья,
Эту русскую красу
И такое наслажденье
Я уже не унесу.

Юрий Воронин

Латинские танцы

(шансон)

Лазоревые дали...
И школьный карнавал...
Забуду ту едва ли,
С которой танцевал.
Лощёные паркеты.
Латинские мечты...
Петарды и ракеты,
Кометные хвосты!
Любовный жаркий танец,
А нам всё нипочём:
И первый стыдный глянец —
Коснулся вдруг плечом...
Вся жизнь — преодоление
Той вспыхнувшей любви:
Вращенье, как забвенье,
И жизнь — как в забытьи!

Улочка

Извивы улочки моей не изменяются с годами...
Я пацаном ходил по ней,
По милой улочке моей,
Мне клёны здесь кивают головами.
А сколько пышных свадеб, тихих похорон
По ней проехало, промчалось, прошагало...
Она, как честное зеркало,
Как связь нетленная времён,
Теперь моих морщин извивы повторяет.
Ей мой поклон.

Юрий Воронин

Черёмуха

Цветы черёмухи ловлю
В холодном ветре мая.
Я так, я так тебя люблю,
Тебя не понимая.
Или весна с ума свела
И губ желанных счастье —
В саду черемуха цвела
Почти в ненастье.
И только для меня цветы,
Зовущие к страданию.
Я так люблю тебя. А ты?
А ты: «К похолоданию...».
Цветы черёмухи ловлю
В холодном ветре мая...
Я так, я так тебя люблю,
Почти не понимая.

У Ваших ног

(шансон)

Уберечься бы от причуды,
Что весною зовет за порог:
Не простуды страшны — пересуды,
Что я снова у Ваших ног!

Пусть не молод, не моден, не ладен
И осанкой совсем не дюж...
Пусть атлетом для всех перекадин
Будет Ваш достославный муж!

Остается глазами издали
Безответно любить и ждать...
Не пойму, как Вы сердцем вызнали
На челе моем эту печать?

Не смущаюсь при встрече, не кланяюсь,
Не пишу стихотворных строк.
А живу себе тихо и радуюсь,
Что я снова у Ваших ног.

Юрий Воронин

Извините

(шансон)

Извините, осень, Вас не дозовёшься —
Голубую просинь не закажешь впрок.
И Весну не встретишь, только изведёшься,
Лишь, пожалуй, зиму угадаешь в срок.

И уйдёт тальянка за плетень околиц,
На лугах стеная, плакать от души,
И в набат не вдарят сорок сороковиц,
Промолчит кукушка в ягодной глуши.

Я не математик. Я не верю сходу
В степени свободы, в целостность химер.
Лишь однажды в топях сам отыщешь броды
И откроешь тайны недоступных сфер.

Я не верю в милость бархатных сезонов.
Мы с тобой встречались в жутком декабре,
Жарко целовались на вершинах склонов,
А навек расстались летом на заре.

Не малой кровью ...

Устаёт механизм часовой,
А мы крутимся и не ропщем.
Все проблемы пробьём головой,
Не жалея себя-то в общем.

И имея один позитив:
Дом, семья и, конечно же, дети —
Мы записываем в актив
Сумасшедшие годы эти.

И встречая школьных друзей
(Потрудился нещадный молох),
Понимаем: из милых детей
Превратились в горючий порох.

Неожиданно сердце щемит:
Мы теряем друзей и любимых,
Мы растрчиваем лимит
Дней оставшихся, неповторимых.

В мимолётном взгляде поймёшь:
Код морщинок — в улыбке усталой,
Как растратилась наша мощь!
И не малой кровью, не малой.

Юрий Воронин

Диво

В половодном вечернем мареве
К удивлению каширян
В угасающем медленно зареве
Над Каширой парил дельтаплан.

Рассекая белёсым клином,
Он причудливо, как мираж,
Уходил путём журавлиным,
Завершая прощальный вираж.

Ни курлыканья в небе, ни всплеска,
Ни знакомого гула турбин.
И не птица парит в поднебесье,
А чарует до самых глубин.

22 июня

Этот день не заслонить ничем:
Вновь занает у державы рана,
И по радио сквозь отголоски тем
Мы услышим голос Левитана:
«От советского Информбюро»...
В этой фразе наша боль и слава...
Это на рассвете в «час зеро»
Поднялась бессмертная заставка.
Танки гнут российские хлеба.
Вот они идут, потомки кайзеров,
В каждого из нас, как в личного врага,
Целят дулом воронёным «шмайсера».
Рать встает ударом на удар,
Не умрёт Россия в «рукопашном».
Сколько ж нам осталось горьких дат!
Календарь зияет раной страшной.

Юрий Воронин

Мужчины

Давно уже... Не помню день.
В тиши воскресного вокзала,
Где только скука поджидала
Да лень дорожная жевала,
Солдат пятёрка отдыхала.
Спина к спине, в серёдке зала,
Среди пижонов и салаг...
Тихонько пели про Саланг...
«Откуда вы?» «С Афганистана».
Так за себя неловко стало,
Меж нами будто пробежала
Тень недобитого душмана.
Глаза парней глядят устало:
Их юность столько повидала!
В своих руках наш мир держала.
Глаза мужчин глядят устало.

Сергею Есенину

Ты родился у нас, Серёжа,
На былинной реке Оке.
Сыплет осень червонну порошу,
Словно рифмы в твоей строке.

Над тобою проходят зимы,
Машет лето звонким крылом.
Ты поэт России любимый,
Кто пройти её звал босиком.

Воспевал её нивы и пажити
По-крестьянски, как чувствовал сам.
Сколько в будущем будут плакати
По удалым твоим волосам!

По ушедшему, по щемящему,
Невозвратному никогда...
Потому что и веку спешащему
Тоже нужно грустить иногда,

Вспоминая своих поэтов,
Поминая сермяжную Русь,
Времена, отошедшие в Лету,
Погружённые в синюю грусть.

Треплет клёны ветер осенний —
Над землёй несказанный свет.
Это с нами Сергей Есенин,
Самый нежный русский поэт.

Юрий Воронин

Деревенское

Подошло раскалённое время —
Хлеб желанный пошёл на тока.
То нам — солнце на самое темя,
То нам — дождик сквозь облака.

Ну, какая в бою погода!
Нас испытывает страда:
От восхода и до захода
Только ею полна голова.

Мы — штурвальные. Знали мальчишки:
Не на вольные шли хлеба.
И тянули свои силишки
До конца, пока шла косьба.

И когда в расписную бричку
Погрузили последний сноп,
Позабыв отослать рапортчку,
Утирал председатель лоб.

Капля пота немало весила...
Но, оставив отчёт «на потом»,
Погрозил он весомо и весело
Небу тёмному кулаком.

Мальчик-Снег

Мало туч. Их мега мег — Мальчик-Снег.
Он беспечен, беспорочен
И идёт, когда захочет,
Первый, самый первый снег.
Первый снег отважней всех:
Продирается сквозь рощи,
На судьбу свою не ропщет,
Пеленает русла рек.
Первый снег счастливей всех.
Нет ему дурного глазу,
Нравиться умеет сразу
И влюбляется во всех.
Белоснежная сорочка,
Ляжет белой нитью строчка.
Он — лататель всех прорех:
Черных душ, дырявых судеб,
Надоевших чадных буден.
Как кристально чист и чуден
Первый, самый первый снег!

Юрий Воронин

Распогодилось

Распогодилось. Птицы запели.
И с охапкой сирени в руках
Я люблюсь мазком акварели
На прозрачных небесных шелках.
Вот теперь пролетят самолёты,
Направляясь к июньским морям,
Разболится мозоль у пехоты
В кирзачах по раскисшим полям.
Наломаю сирень для девчонок,
Что с работы приходят домой.
Галкин мальчик, Серёжа-галчонок,
В ту охапку нырнёт с головой.
Подхватчу его без опаски,
Разделю с ним счастливый смех.
Нет пределов для русской сказки:
Я люблю эту землю за всех!
Эх, творцом я себя не считаю,
Но от счастья заплакать готов.
Я дождевки губами снимаю
С перламутра садовых цветов.

Ночь

Босую ночь в лиловом полушалке,
Глаза — фиалки,
Сегодня месяц молодой
Своею назовёт женой.
Как за неё болеет небо:
Сыпь звезд, как соль
На срезе хлеба.
И как ревнуют облака!
Пока не явится, пока...
А он, молодой и расфранчённый —
Кораблик весь раззолочённый —
Скользит по небу: «Вот он я!»
Ночь счастьем, как вином, полна.
И без вина она хмельна.

Юрий Воронин

Зачем, любимая?

Я слов твоих не понимаю.
Как на китайском языке...
Твоим словам я не внимаю,
Как будто слышу вдалеке...
Ты говоришь: «Пора расстаться».
Усталость, стылость, след стыда...
«Не надо прошлого касаться,
Чтоб всё забылось без следа».
Как будто вешними снегами
Отгородилась от меня.
Грибными пахнет пирогами,
Парит в проталинах земля.
Мы разрушаем наше братство,
Мы расстаёмся насовсем.
Весною страшно расставаться.
Зачем, любимая, зачем!

Будем!

Будет ветрено, и светло,
И морозно, и очень тепло.
С этим городом в душу вошло
Ощущение Родины.
И Оки необъятная ширь,
И прославленный монастырь,
И Стрелецкая, и Посад,
И тобою возделанный сад,
Пусть он только и куст смородины.
Будем гневаться. Будем любить.
Будем думать, как дальше прожить.
Будет ветер ночами выть.
Будут хлопоты целого мира.
Вновь под ложечкой засосёт.
Будет снова тяжелый год.
Будет Родина. Будет Кашира!

Юрий Воронин

Старая мельница

Где эта старая мельница?
Только фундамент торчит.
Мелется, всё перемелется,
Время источит гранит.
Где ты, родная сторонка?
Как по тебе я скучал!
Всё закатала бетонка,
Прежних следов не сыскал.
Где ты, невеста далёкая?
Весточку дай сквозь года!
Юность моя синеокая
В сердце моём навсегда.
Где ты, вихрастое детство?
Где ты, заброшенный сад?
Разве придумаешь средство,
Чтобы вернуться назад?
Где мой счастливый первенец —
Всё в конопушках лицо?
Вертится, вертится, вертится
Времени колесо!

Юрий Гагарин

Сколько яркого было заложено
В этом парне красивом и смелом!
Сколько песен ещё будет сложено
О полёте Гагаринском — первом!

И закружится, станет привычной
Межорбитная карусель,
Он улыбкой своей симпатичной
Завладеет планетой всей.

И ещё нет глобального кризиса,
Не бряцают державы доспехами,
С высоты далеко ему видится:
«Ну, планета, поехали...».

Юрий Воронин

Менуэт

Играла девочка старинный менуэт.
(О, нот прозрачная зеркальность!)
Слетались тени на паркет,
В её поверив гениальность.

В той простоте своя изысканность была.
А парк за окнами чернел ветвями,
Кружились, падая, два скрещенных крыла —
Последних листьев отгоревших память.

Погасли свечи, молкнет клавесин.
Уходит девочка на зов далёкий мамы.
Застыла вечность в переплётах рамы
Дыханьем осени из сумрачных глубин.

Мечты сбудутся

Когда наш город станет знаменит,
Его украсят дивными цветами,
Красавица Ока оденется в гранит,
И небо засияет над церквами.

И реконструкция пройдёт,
И не упустят даже малость.
И каждый гид немножечко соврёт
Про нашу красоту и величавость.

О, нам бы город не проспать.
Долой минор и улиц мглистость!
Делами будем прорастать
Сквозь простоту и неказистость.

Юрий Воронин

Зимняя Сказка

Декабрь, Кашира. Зимняя краса.
И тишина в полях разлита,
А Берендеевы леса
В вечерней дымке «Центролита».

Услада. Божья благодать.
И каждый день, он ёлкой пахнет.
И праздника не избежать...
Внимание! Сейчас как жахнет!

И эхом вспыхнут небеса.
Так веселится дед-проказник.
Кашира, девица-краса.
Охотно принимает праздник.

И стук сердец неодолим;
Теплеют молодые лица.
Мы сами в новый год спешим,
И с нами — Матушка-столица.

Курантов звон в полночный час...
И тишина в полях разлита...
Сияют радостью за нас
Огни ночного «Центролита».

Не ругайте поэтов

Не ругайте поэтов!
Им ночами не спать.
Да не хватит кларнетов,
Чтобы их воспевать.

Не ругайте стихи их!
Как скрижали, они.
Их стихи — не стихия
В наши «судные дни».

Не копайтесь в их прошлом,
Нет у них биографий —
Только ушлым и дошлым
Дело до эпитафий.

Не ищите любовей,
Что приписаны им,
Век любовей, он вдовый —
Жили чувством одним.

Не просите автограф!
Ведь не плоть, а пиит.
...Всё же ищет биограф
Строчку ту, что болит.

Юрий Воронин

Вечер

Этот тёплый и бархатный вечер,
Как девчонку, ласкает зарю.
Я целую тебя при встрече
Горячо, говорю, что люблю.

Эти губы, как спелые вишни,
С дивным привкусом имбиря.
Все слова и восторги вышли.
И тебя я целую зря.

Эти губы, боюсь, для разлуки.
Я, конечно, нимало не рад,
Что тебя не возьмёт на поруки
даже опытный конокрад.

Не удержишь в руках Жар-птицу.
Не удержишь табун коней.
Уведёшь, да не спрячешь в темницу
Это диво горячих кровей.

То, что хочется, не случится...
Ох, напрасно я гнал коней!
Воспаряет любовь Жар-птицей,
Остаётся грустить о ней.

Не грезил

О красивой такой и не грезил.
Знал, конечно: такие есть.
Был с другими и робок, и весел,
Только верил в тебя, как в песнь.

Только верил в тебя, как в удачу,
Как в счастливую верят звезду.
Потому-то вербы и плачут
По колено в талом снегу.

Потому-то студёной дрожью
Покрывается в темень вода.
Оказалось, всё крыто ложью,
Не любила ты никогда.

Я не верю больше в удачу,
Но забыть я тебя не могу.
Потому-то вербы и плачут
По колено в таком снегу.

Юрий Воронин

Наш февраль

Наш февраль — он талантливый враль
Обнадёжит. Потом завьюжит.
И с дороги собьёт. Закружит.
Ему точно не доверяй!

Месяц значимый. С праздником армий.
И короткий к весне переход.
И не хватит прогнозов и знаний
Угадать его каверзный ход.

По ночам вечно ласки просит
И как мартовский стонет кобель.
Чуть расслабишься — он приморозит.
Ты — в «Аляску». А он — в капель!

Он как гончий весны. Он торопит.
Всем понравиться норовит.
И сердечко зазнобы зазнобит,
А покажется, что зазнобит.

Валентинки раздаст, разрисует
И отринуть заставит печаль.
По весне, по любимой, тоскует.
Ну, а в общем... Талантливый враль!

Лексикон

Любит, любит Господь гольтьбу
И фольклорные заморочки,
Скоморошную нашу гульбу
И гороховые платочки!

Всяк у нас и вправду — мастак,
И ввернёт, говорят, от печки:
«И зачем нам, так и растак,
Иноземные эти словечки!»

Что же проще: берут и крадут!
Нет. Коррупция. Девальвация.
Не пройдет и пяти минут,
Как услышишь: «инфля...», блин,
«инфляция».

Новый русский. Не старый он.
Рассекает страну на джипе.
И церквам не кладёт поклон,
И в рекламном снимается клипе.

Ну, а дед побряхтит любой
И почешет срамное место:
«Заслони нас, Господь, собой!
Мы из старого сделаны теста».

Юрий Воронин

И Россия не пропадёт,
Коль забудет все слоганы эти.
И могучий её народ
Вспомнит место своё на планете,

Как наследье славянских племён
(Пусть и жизнь, как всегда, непроста).
По велению Великих Времён
Распечатают наши уста!

За тех, кто в море

Мы сегодня в походе. Ждём штормов от морей.
А на палубе тень «Ориона».
Бог разлуки, прошу, убери поскорей
Эту птицу — морского шпиона!

В океанском походе он не друг и не враг.
Он — попутчик, по мирным стандартам.
Мы в разведке давно лишены всяких благ —
Под Чужим мы крадёмся штандартом!

Мирный берег увидел однажды в бинокль:
Яхты, шхуны да лёгкие джонки...
Наш корабль одинок. Порт приписки далёк,
Как и дети, и тёщи, и жёнки...

А с учений придем — не дождется причал:
Мы ночуем на западном рейде.
Нас с тобою давно океан повенчал.
Первый тост, он — за нас. Не пролейте!

Юрий Воронин

Трамвай «желание»

В Кашире, наверно, не будет трамвая.
Всё едут автобусы, землю вращая.

А снится вагончик: с дугою, как рожки,
Весёлый, звонковый. Прямые дорожки.

Он всех подберёт и всех покатает.
Усатый кондуктор билет отмотает.

Волшебный билет, а не просто бумажка,
(А без бумажки ты просто букашка).

Вы в этом трамвае себя обретёте,
Девчонку из детства случайно найдёте.

Поймёте мгновенно: друг друга искали,
Да стежки-дорожки не повенчали.

Все грёзы исполнятся — сам не зевай!
Да только в Кашире не ходит трамвай!

Владимиру Высоцкому

Я Высоцкого видеть в театре бы мог.
Но молчали афиши. Замена.
Состоялся уже, как поэт, как пророк,
Но шептали, шипели: «Измена».

Под хрипатый магнитофон
Собирались по кухням и пели.
Мы, студенты из тех времён,
Подражать ему в чём-то хотели.

Мы на бронзу ему пятаки
Собирали из рваных карманов.
Ну, а рядом селились братки,
Главари мафиозных кланов.

Мы на Пасху несем цветы
Лишь ему. Неподвластен стихии,
Он на нас глядит с высоты,
Как пророк, как певец всей России.

Прощание с Владивостоком

База Кневичи. Ждёт самолёт.
Полоса для прощанья и встречи.
Забирает московский борт.
Про «остаться» здесь нет и речи.

Что же, Владик, прощай и прости...
Нам замена уже на месте.
Город-порт на нашем пути
Не нуждается в славе и лести.

Возмужала здесь юность моя.
То, что снилось, — осуществилось:
Покорились шальные моря,
И безмерность планеты открылась.

Может быть, что и нам повезет.
Может, где-то есть город счастья.
И всего-то один перелёт
Из Приморского, из ненастья...

Крещенские купели

Мы зимою во власти Космоса.
Холода опустились, как лава.
И в когтях у студёного осмоса
Бесшабашна лихая держава.

И в морозы крещенские бани
Всех очистят, коль Дух воскрес.
Как сияют глаза Иорданий
В потаённые лики небес!

Верим в жизнь и любовь бесконечно,
В Космос, в звёзды, морозную жуть.
Православие будет вечно!
Сам Христос освещает путь!

Юрий Воронин

Апрель

Апрель — он всадник. Он джигит.
Украв весну, ночами скачет.
Но лунный свет её ланит
В любой ночи их обозначит.

В ответ земные холода
Летят туда, где небо тает.
В отместку вешняя вода
На перевалах лёд ломает.

На радость трепетных долин —
Нетерпелив, настойчив, жарок —
Апрель, мужлан и господин.
Весну любви несёт в подарок!

Ранняя весна

Не смешается с праздной толпой.
Где появится — там и приметят...
Назовут её ранней весной —
Так глаза её празднично светят.

И смущается март молодой.
Он — по-прежнему юн и светел,
Расколдованный ранней весной —
На рассвете любимую встретил.

Босиком, и ступая едва,
И сырые углы освещая,
Показалась царицей тогда,
Очаровывая и смущая.

И Кашира от зимних снов
Вдруг очнулась, оковы ломая.
Хорошая от силы садов,
Молодея в преддверии мая.

Юрий Воронин

Осенняя песня

Дождик на нас слёзы прольёт.
Небо растает.
Нам бы про всё знать наперёд,
Сад облетает.

Кружат вороны — знаки судьбы,
Дьяволы в чёрном.
Голые ветки. Сад голытьбы —
В цвете минорном.

Я бы поверил, да нету причин
Верить укладам,
Этому трепету голых осин.
Нет тебя рядом.

Жизнь пролетела. Прокатится гром
Следом за блеском.
Щедрое лето опять подождём.
Жаль, что не вместе!

Приватное чувство

Зайду на почту. Попрошу конверт.
Посмотрит девушка. Прищурится хитро.
Она меня не любит. Вот ответ.
А просто улыбнётся ярким ртом.

Кружат опять, куражатся миры.
На всей Вселенной я сюда прилип.
Я так смешон для местной детворы,
Но так приватен этот сладкий миг.

Туманный Гавр и солнечный Кантон,
Не перепутаю и не предаю мечты.
Улыбкой девушки на почте я пленён...
Наверное, опять пошлю цветы.

Юрий Воронин

Дворец «Юбилейный»

Вхожу сюда в кругу друзей.
И блеск, и лоск, и скрип паркета...
Вот так входили в Колизей,
Где след спартанского атлета.

Сам воздух здесь включен в хайтек,
Здесь силы, ловкости бравада,
И совершенный человек
Идёт в бассейн — ему так надо.

И после трудового дня
Он чувствует себя как профи.
Он здесь борец (и за меня,
И за пивного бугая)
За жизнь без сигарет и кофе.

Братья и сёстры

У войны это место для смерти.
По ранжиру могилы и тут.
Летчик выпал из круговерти —
Не раскрылся его парашют.

Танк горел. Не отдал переправу
Умирающий на рычагах.
И по доблести, и по праву
Здесь хранится солдатский прах.

Вместе с ранеными — медсёстры.
Добивал беззащитных враг.
Что гражданские нам погосты!
Мы здесь вместе. Мы — братья, сёстры,
Цвета крови наш воинский стяг.

Юрий Воронин

Небесные ласточки

Мы встречаем их здесь, на земле.
Прибывают они в самолётах
Синим утром, в сиреневой мгле —
Стюардессами из полётов.
Ох, не носят они манто.
Ах, стройны они без корсета.
Но зато. Но зато. Но зато
Так «гламурна» их форма эта!
Цвета неба костюм голубой.
И пилотки подобны коронам.
Полстраны уведут за собой
В самолёт. Вместе с длинным перроном.
И когда ваше сердце замрёт,
Приводя в исступление тело,
Вам подарит «Аэрофлот»
Стюардессу по имени Стелла.
Их по городу — только две.
Мисс Каширы — бриллианты в короне.
Не найдёшь их в сиреневой мгле —
Подлетают уже к Барселоне!

Вечерний марш

Стекает день в сырой апрель.
Тоска прозрачна и легка.
В твоей руке моя рука.
– Пока...
– Пока...
Звенит трамвай. Он глашатай
Любви, весны всё время суток.
И сон его крылат и чуток:
Его часы заведены.
Он на маршруте у весны.
Неделя. И сошла зима.
Присели сонные дома.
Пусты печальные подъезды...
И только старенький трамвай
Спешит в весну, в грачиный грай
Под утренней звездой надежды!

Юрий Воронин

Помолись!

Ты впадаешь опять в моветон.
Не покаешься, не повзрослеешь.
Эти лики древних икон
Никогда в свою память не вклеишь.

Тот далёкий кивок звезды,
Реверанс бесконечного неба,
Эти в памяти две борозды —
Ты поверь мне — дороже хлеба.

Но не веришь, не хочешь понять,
Заслоняясь от вещего глаза.
А судьба оборотится вспять,
И не будет последнего раза.

Я прошу тебя, помолись...
В тишине вспоминая Бога,
Подними себя, вознесись,
Очищаясь прямо с порога!

Удивительно, но Благодать
Исцеляет поверивших в чудо,
И не надо глазами сверкать,
Вера в сущее не причуда.

Я прошу тебя: помолись!

Люблю село

Люблю село! Его гармошки звонки,
У бабушки — запретный самогон.
В саду у пасеки московские девчонки
Танцуют под «чумной» магнитофон.

Где видел это? В фильме о Кубани.
У нас безлюдно и зарос погост.
Теперь благочестивые «миряне»
И думать позабыли про колхоз.

Все это было? Расписные брички
С полей снопы свозили на гумно,
Аж до Москвы летели рапортички
Про наше вмиг расцветшее село.

Ну, а сейчас! Сейчас село в тумане.
На ярмарках турецкий ширпотреб.
А граждане с коттеджами — «крестьяне» —
Творят в селе совсем уж непотреб.

Все скуплено, захвачено, закрыто.
На месте фермы нанобуерак.
А ведь слезами горькими полито
Все то, что превращается в бардак.

Люблю село. Бурёнки на полянке.
Девичий смех и «джип» при шашлыках.
А что до переливов на тальянке,
Так это только в редких сладких снах.

Юрий Воронин

Молодой роман

Зачем измучил по весне сиреневый закат?
Зачем встречаешься ты мне и снишься невпопад?
Зачем натруженной реке сиреневый туман,
А то, что зрело в ручейке, низверглось в океан?
И так понятен плеск воды и ласточки в окне,
А все научные труды не помогают мне.
Зачем сгораю от стыда я у твоих окон?
Пришла «бедовая» пора — крови щенячий гон.
Но если жар мне не унять, уйду в луга бродить,
Чтобы украдкой вспоминать: что значит —
ПОЛЮБИТЬ.

На бис

Аккуратно. Аккуратно
Я целую кромки губ.
Нам по-прежнему приятно,
Я по-прежнему Ваш друг.
За пределы. За пределы
Нас уносит синева.
Мы, конечно, «бракоделы» —
Нас качает от вина.
Не разобрана лежанка,
Света нет, а есть рассвет.
Нам назначена стоянка
Здесь, на лучшей из планет.
Пусть в сердцах неразбериха,
Всё мы делаем не так.
Сватья баба-бабариха
Нас сближает. О, Аллах!
Руки медленно дрейфуют
Снизу вверх и сверху вниз.
Духи свечи нам задуют
И станцуют вальс-каприз...

Юрий Воронин

Открытие

Кашира Пушкину открыла монумент!
Саму себя для Пушкина открыла.
И возвеличилась в момент
За семь веков, что с Богом говорила.
Наш Пушкин – он из бронзы – на века.
Любуется теперь каширской новью,
Где солнца луч и трепет мотылька...
Он смотрит в мир людей и с грустью,
и с любовью.
А подойдёт к нему любой пиит –
Душа с душой поэта говорит.

Прощание с империей

Я Россию не мыслю
Без широких равнин.
Без полей золотистых,
Где летит херувим,
Без тенистых погостов
И порушенных храмов.
(Вся Россия — как остов
Корабля Магелланова!),
Без слепящего света
И глухого ненастья,
Без скорбей несусветных,
Без вселенского счастья.
Я из сердца не выну
Ни любовь, ни судьбу.
Я тебя не покину.
В твою землю войду...

Юрий Воронин

Каширские кручи

Не кисельные берега.
Не кисейный ландшафтный край
сбросят с кручи любого врага —
За Каширу стоят горой!

И тяжёлый монгольский дух
Не достиг заокских равнин.
Не бывать правителей двух:
Здесь московский князь — господин.

Из-под Тулы танковый клин
Нас задумал завоевать...
От России, от самых глубин
Поднялась былинная рать!

Здесь величье каширских холмов
И огней золотистых рой...
Благовесты колоколов
Славят русский город-герой.

Не за славу!

Не бродили мы по Пиккадили,
Не влюблялись в парижский туман.
Мирно жили. Со всеми дружили,
Не любуясь красотами Канн.

Полыхнула война над Европой.
Лишь Россия за всех поднялась.
И «катюшами» в тысячах копий
Защищалась Советская власть!

И не «чистенький» Павлик Морозов
На расстрельный пошёл пулемёт,
А гвардеец — сержант Матросов.
Не за славу — за русский народ!

Сотни подвигов! Тысячи жизней!
Не за Трептов мемориал.
Под цветущей берлинской вишней
Маршал Жуков мир принимал.

Не бродили мы по Пиккадили,
Не гуляли в парижских садах.
Воевали за мир, тем и жили.
Победили и горе, и страх.

Лето по-каширски

Лето — яркая пора.
Хороводы сарафанов.
В реках — рёвы-катера.
Цирки, ярмарки — игра
Под шатрами балаганов!

Молодежи не до сна —
Снятся суженые вроде,
И ярка жизнь, и нежна.
Как жар-птица на свободе!

Снится матушкам гумно,
Каплуны, бычки да гуси.
Лето — милое кино
На полатях у бабуси!

А в садах не только рай —
Тонны яблок, груш и сливы.
Не ленись, а собирай!
Урожай опять на диво.

Вышли в поле трактора,
Объезжая буераки.
Ну, Кашира! Ну, жара!
А в реке жиреют раки.
Лето — дивная пора.

Только ввысь

Неслышно осень подошла,
Нас заключив в свои объятия.
И успокоилась душа.
Фантазии и восприятья
Затихла божия река.
Плывет печально жёлтый листик.
Река тиха. Река Ока.
Рябин оранжевые кисти
Её венчают берега.
Неслышно осень подошла,
Внеся печаль, внеся разлуку.
А над Окой звезда взошла.
Как будто небо тянет руку.
Взошла душа...

На дыпочки не становись
В благоговении к потоку:
Храм на обрыве — только ввысь.
Ввысь только!

Юрий Воронин

Бессмертие

На Каширу танки идут.
Лязгу гусениц вторит окрестность.
До Москвы по шоссе только сотня минут...
Неизвестность царит. Неизвестность.

Впереди никого. Ухмыляется враг:
«Что нам конники батьки Белова?»
А в тылу две «катюши» да голый овраг...
Атакуют их снова и снова.

Лгут учебники. Люди — не лгут:
«Отстоим, хоть умрём. Дали Сталину слово!»
До бессмертия — пара минут.
Вот и к вылету пули готовы.

Каширская ГРЭС

Я иду на работу.
Вижу трубы твои.
И людскую заботу
Воплощают они.

И не хочется мимо мне,
А до самых глубин
Подпитаюсь энергией
Мощных турбин.

Юрий Воронин

На хуторе Мхи

Наш февраль пройдет для скуки.
Попрощается зима.
Да поднимутся ли руки
На «великие дела»?

Хутор Мхи — дорожный хутор,
За деревьями шоссе,
На заре займется утро
На нейтральной полосе.

А пока все спят в постелях,
Синий сумрак, как стена.
Снег на высоченных елях.
Припорошены дома.

Детки — ушки на макушке —
На подушках смотрят сны.
За окном висят кормушки,
На кормушках — снегири.

За окошком стынет утро,
Сонно стонут петухи.
В тишине проснулся хутор —
Запорошенные Мхи.

А рядом женщина росла...

Татьяна «новенькой» пришла
В наш класс. Девчонкой волоокой.
О красоте ее жестокой
Ходила гордая молва.

Мужали детские сердца
В горниле всяческих «чистилищ».
Сначала взрослая «попса»,
Потом курсанты из училищ.

И разные пошли дела,
И разговор про «трали-вали».
А рядом женщина росла —
Старательно не замечали.

Страдания былых времён:
Любовь — не школьная программа.
От «улицы» спасала мама,
От чувств никто не защищён!

Ненадёжная связь

SMS-ки мне шлѐшь:
Позабыла слова.
То ли к сердцу прижмѐшь,
То ли к чѐрту пошлѐшь,
Но всегда ты права.
Утром встанешь — темно.
В полдень солнца нема.
Вот такое кино,
Вот такая зима.
Профиль твой на стекле
Разрисует мороз.
Что легко в сентябре,
В январе-то — всерьѐз.
Телефон всё молчит,
Что с того, что «Самсунг».
Вот и сердце болит,
А тебе — недосуг...

Мамина гимнастёрка

Томик Пушкина, и рюкзак,
И десантная маскировка...
Мою маму готовили так.
Вот девичья ее гимнастёрка,

Ксива опера и наган.
Как качели, упругие стропы.
И бессрочный приказ ей дан:
Белоруссия. Волчья тропы.

Нет слезинки в её душе:
Чистишь тыл Белорусского фронта.
В девяносто годков уже
Понимаешь, что это не фронда.

Праздник Пушкина и июнь.
Этот праздник и твой — день рождения.
Сквозь колючку и трассеры пуль...
И медали её умения.

Губернатор приедет в дом,
Чтобы старой больной старухе
Подарить этот пушкинский том
И пожать эти смелые руки!

Юрий Воронин

Форт Владивосток

Километр этой суши,
А потом — океан.
Перемотаны души —
Шикотан, Юкотан...

Недоступна природа.
Неподвластны ветра.
Непонятна погода
От утра до утра!

Будет сниться Находка —
Нежный солнечный бриз.
Жизнь, как утлая лодка:
То на крыльях, то — вниз!

Поцелуи солёней,
Расставанья — грубей.
Все замашки колоний —
Нравы их кораблей.

Здесь китайские джонки —
Будто сон. Акварель.
Силуэты подлодки.
Бледных сакур метель.

Здесь, в подмышке у Бога,
Жёстче люд и добрей
И желанней дорога
На винтах кораблей.

Здесь корвет-иностранец,
Словно друг, на пути.
И «Летучий голландец»:
От судьбы не уйти.

Только верим мы в дружбу
И в попутный прибой.
Здесь мы Родине служим.
Мы — родные с тобой!

Юрий Воронин

Наш формат

Карманный сборник. Крошечный формат.
И о любви. И о войне. Своими виршами богат —
и о тебе, и обо мне.
Его читают по весне.
В заторах быта. В вечных пробках.
Там мысль зарыта для неробких
И для судьбы, что в вышине.
Страницы жгут сигарным дымом,
Поэтикой дешевых красок.
А на свидании с любимым
Всё ж предпочтенье нежным ласкам.
Затёртый сборник. Нет обложки.
Скучна газетная печать.
Но на «развалах» одиночки
К нему склоняются опять.

Осень по-каширски

Листопад на косогоре —
Прибираются леса.
И мелькнёт на рыжем склоне
Рыжим факелом лиса.

Удивительное небо.
В ярких платьях сто рябин.
Я давно в Кашире не был
И люблюсь ей один.

«Любоваться надо чаще,
Просыпаться у реки,
Нет Каширы нашей краше», —
Призывают рыбаки.

Полыхнёт вдали зарница.
Повздыхают старики:
«Пусть Кашира — не столица,
Просто чудо у Оки!».

Юрий Воронин

Оборона Каширы

Под Москвою «фашистский дракон»
Зубы сбил о каширский заслон.
Теза есть, но и есть антитеза,
С незапамятных знаем времён:
Там сильней оборона, где крепче железо.
Под Москвой в сорок первом —
не до бронь-крепостей.
Только смерть выбирала лучших.
В рукопашную шли, в эту ломку костей
За Россию, за нас грядущих.
«Земляки», — говорят нам теперь туляки.
«Земляки», — повторяют сибиряки.
Им Москва отвечает поклоном.
Здесь, в боях за Каширу, у былинной Оки,
Молодые и старики — ополченцы, сибиряки —
Богатырским встали заслоном.

Война отца

Отец войну не вспоминает
И запрещает вспоминать.
Во снах его война стреляет,
Никто не хочет умирать...
Но каждый третий погибает.
А память не позволит лгать.

Вот сколько лет война опять
Не устаёт нас доставать.
И в мире снова беспокойно,
Но надо жить и побеждать.
...Отец не любит вспоминать.

Город моего детства

Юбилей я считаю поводом
Снова встретиться с земляками.
Я хочу говорить с городом,
И, конечно, со всеми вами.

Я хочу говорить с храмами —
Глас курантов в величье строгом.
Я хочу говорить с самыми,
Я хочу говорить с Богом.

Град, сторевший во искупление
И подмятый татарской лавой.
Целый город пошёл в наступление,
Перебравшись на берег правый.

Город Китеж для сущего мира,
Птица феникс из пепла да ввысь,
Возродилась, окрепла Кашира,
Чтобы мы потом родились.

Чтобы мы потом непохожими
Из родного гнезда разбрелись.
Быть готовы просто прохожими,
Нас Кашира поднимет ввысь.

Собрались мы на главное действие,
Город детства не подкачал:
Историческим стало место.
А для нас — начало начал.

На посту

Выхожу из метро. Время мчится быстрее.
Не хочу я ему поклониться.
Есть окно в небесах. В этом сонме огней
Буду сердцем к звезде той стремиться.

Там — любовь и судьба. И на Крымском мосту
Загадал я вчера три желанья,
И теперь у окна я стою на посту
И, как юноша, жажду свиданья.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Гришина. Мир, в котором жили стихи</i>	4
Каширские мосты	7
Саманта Смит	8
Радуга	9
Ледоход	10
Проводы зимы	11
Крик	12
Старый парк	13
Отчий дом	14
Потрясение	15
Бег	16
Ощущение	17
Ретро	18
Жизнь	19
Сан-Франциско	20
Кашире	21
Отражение	22
Вернисаж	23
Инспектор	24
Лицо города	25
Улица	26
Сиреневый май	27
На круги своя	28
Улица Рыбацкая	29
Латинские танцы	30
Улочка	31
Черёмуха	32
У Ваших ног	33

Извините	34
Не малой кровью	35
Диво	36
22 июня	37
Мужчины	38
Сергею Есенину	39
Деревенское	40
Мальчик-Снег	41
Распогодилось	42
Ночь	43
Зачем, любимая?	44
Будем!	45
Старая мельница	46
Юрий Гагарин	47
Менуэт	48
Мечты сбудутся	49
Зимняя Сказка	50
Не ругайте поэтов	51
Вечер	52
Не грезил	53
Наш февраль	54
Лексикон	55
За тех, кто в море	57
Трамвай «желание»	58
Владимиру Высоцкому	59
Прощание с Владивостоком	60
Крещенские купели	61
Апрель	62
Ранняя весна	63
Осенняя песня	64
Приватное чувство	65
Дворец «Юбилейный»	66

Братья и сёстры	67
Небесные ласточки	68
Вечерний марш	69
Помолись!	70
Люблю село	71
Молодой роман	72
На бис	73
Открытие	74
Прощание с империей	75
Каширские кручи	76
Не за славу!	77
Лето по-каширски	78
Только ввысь	79
Бессмертие	80
Каширская ГРЭС	81
На хуторе Мхи	82
А рядом женщина росла... ..	83
Ненадёжная связь	84
Мамина гимнастёрка	85
Форт Владивосток	86
Наш формат	88
Осень по-каширски	89
Оборона Каширы	90
Война отца	91
Город моего детства	91
На посту	92

Литературно-художественное издание

Юрий Воронин

Времени колесо

Стихотворения

Обложка О. В. Трушиной

Компьютерная вёрстка
И. С. Фёдоровой

Сборник выпущен на средства А. А. Тернова

Подписано в печать 10.05.2021 г.

Формат 60х90 1/16 . Бумага офсетная.

Гарнитура BalticaС

Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ 000105-21.

Издательство «ММТК-СТРОЙ».

113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор. 1

Отпечатано в ООО «ЗЭО».

142900, Московская область, г. Кашира, ул. Стрелецкая, д. 70